

Для цитирования: Каюков В. В., Лаженцев В. Н., Шихвердиев А. П. Экономическая политика и институты развития регионов // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 996-1008

<https://doi.org/10.17059/2019-4-3>

УДК 005.342:330.322

В. В. Каюков^{а)}, В. Н. Лаженцев^{б)}, А. П. Шихвердиев^{в)}

^{а)} Ухтинский государственный технический университет (Ухта, Российская Федерация)

^{б)} Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Российская Федерация; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

^{в)} Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ¹

Проблема совершенствования экономических отношений и формирования соответствующих правил и норм хозяйственной деятельности представлена в контексте повышения значения институционализма. Анализируется возможность использования «теории соглашений» в объяснении сути экономической политики в целом, региональной политики государства и экономической политики самих регионов (субъектов Российской Федерации). При институциональном подходе главенствующую роль играет согласование интересов, что рассматривается как объективный закон общественного развития и как способ выхода из критических ситуаций. Дана характеристика подсистем «теории соглашений»: товарный обмен, производство и технологии, традиционное хозяйство, экология, гражданское общество, общественное мнение, творческая деятельность. Полученную «матрицу соглашений» можно приравнять к дорожной карте экономической политики государства, региона и предприятия, но с обязательной корректировкой с учетом специфики национальной экономики и ее пространственного устройства. Подчеркнуто, что проекция общих положений теоретических концепций экономической политики на региональную политику не может быть прямолинейной, потому что общее (национальная экономика) не сводится к сумме частей (региональных экономик), многие процессы и явления макроэкономики не улавливаются в ее отдельных составляющих. В развитии регионов ключевую роль играет институт экономического федерализма. Обозначены те сферы экономической деятельности регионов, где их собственные усилия могут принести положительный результат: отношения собственности, рациональное природопользование, ценовая политика, налогово-бюджетная и кредитно-денежная сферы, регламентация отношений между органами государственной власти и местного самоуправления, межрегиональная интеграция.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая политика, «теория соглашений», экономический федерализм, экономическая политика регионов, межрегиональная интеграция

Введение

Экономическая политика представляет собой совокупность мер воздействия каким-либо субъектом на хозяйственные процессы с целью достижения необходимого результата. В контексте нашей статьи важно подчеркнуть, что одна из целей экономической политики — формирование нормативной базы государственного регулирования размещения производительных сил и выравнивания уровней социального развития регионов страны.

Опыт развитых стран показывает классические примеры форм вмешательства государства в экономику: прогнозирование и стра-

тегическое планирование, финансирование инфраструктуры, регулирование налогов и ссудного процента, использование при необходимости авторитарных методов политики в виде санкций. В то же время развитие национальных экономик все чаще напоминает о себе как об объекте более сложном и многообразном, который помимо неоклассического количественного подхода, представленного маржинализмом, нуждается в применении новых подходов, определяемых многими авторами в виде институтов, дающих возможность для воздействия на объект управления на более результативном уровне [1].

При этом используется категориальный аппарат не только экономической, но и других наук, позволяющих исследовать хозяйственные процессы по разным критериям и эффек-

¹ © Каюков В. В., Лаженцев В. Н., Шихвердиев А. П. Текст. 2019.

тивнее добиваться желаемого результата. Это категории социологии, философии, права, психологии, истории, географии. Объединенные в единое целое институциональным направлением в экономической науке, они способствуют нормированию различного рода отношений и, соответственно, увязке частных и общественных интересов (иногда разнонаправленных) в рамках решения конкретных многоплановых задач.

Авторы полагают, что трансформация экономических теорий в сторону возвышения институционального фактора определенным образом проявляется и в региональной политике, усиливая значение сотрудничества между центральными и местными органами управления, а также между властью и бизнесом.

Экономическая политика как научное понятие

В научной литературе существует множество суждений о сути экономической политики, которое в методологическом плане можно разделить на три вида: этический, субстанциональный и институциональный.

Этическое толкование экономической политики на первый план выдвигает ее социальную цель, например, повышение уровня жизни. Заметим, что социальный аспект экономической политики имеет в России свою давнюю историю [2].

Субстанциональный подход также имеет российские истоки; его впервые представил М.И. Туган-Барановский [3]. В качестве субстанции, содержательной основы экономической политики он выделил экономическую теорию, исследующую явления и процессы как объекты управления. Данный подход в начале XX в. имел широкое распространение. Для примера отметим труды И.М. Гольдштейна [4] и В.М. Штейна [5], в которых теоретически обоснована необходимость ограничения экономической свободы. В настоящее время особое внимание обращается на обратную связь между экономической теорией и экономической политикой путем определения практической функции экономической теории, реализуемой в виде разработки конкретных форм, принципов и методов, необходимых для развития хозяйственных процессов [6].

Институциональный подход в суждениях об экономической политике оперирует понятиями «общество», «власть» (государство), «исполнительные органы», «организации», «отношения» (правовые, экономические, социальные). Нам представляется, что институцио-

нальное толкование экономической политики становится предметом особого значения, поскольку первостепенную роль стали играть механизмы достижения задуманных результатов с учетом интересов и потребностей различных субъектов хозяйствования. При институциональном подходе главное — согласование интересов, что рассматривается как объективный закон общественного развития и как способ выхода из критических ситуаций. Так, исследователи территориальной организации общества чаще всего обращают внимание на особенности «теории соглашений» переходного периода в российской политико-экономической системе и на то, как данные особенности существенно влияют на региональную политику [7].

Преодоление негативных деформаций, вызванных революционным реформированием, первоначально было связано с обоснованием необходимости усиления государственного влияния на экономику посредством регулирования отношений собственности, восстановления финансово-экономического порядка и устранения чрезмерного социального неравенства. Затем на первые позиции вышло индикативное планирование, но не механизмов реализации планов, а желаемых количественных показателей в части инвестиций, производства и уровня жизни населения. В настоящее время перечисленное дополняется мероприятиями по совершенствованию деятельности институтов именно как механизмов общественного развития. При этом выяснилось, что неоклассические теории часто недостаточны для понимания полной картины действительности, поскольку они основаны, прежде всего, на формальных правилах хозяйственного поведения, выступающих в виде юридических установлений и законов. Между тем, образ реального поведения экономических агентов включает множество других аспектов: традиции, менталитет, коммерческая этика, оппортунизм в хозяйственных отношениях и другие неформальные правила, которые действительно направляют деятельность людей, но менее заметны в самой системе управления.

Методология исследования экономической политики не может основываться лишь на функциональных подходах неоклассики, за скобками которых остается не раскрытым целый пласт различных отношений. Необходимость использования институционального подхода как относительно нового инструментария подтверждается также аргументами, которые касаются не только сущности

неоклассики, но и ее дефиниций и методических инструментов научных исследований.

Известно, что в основе неоклассики лежит модель «потребности — ресурсы — результат». Эта модель имеет следующую методологическую аксиоматику:

- участники экономических отношений как бы все знают, поэтому они априори принимают верные решения;

- они (участники) как бы все умеют и используют человеческий ресурс с максимальной отдачей;

- они находятся как бы в стерильной среде, хотя заведомо известны экономические «загрязнители», которые в той или иной мере реально влияют на общественные процессы;

- императивом экономической динамики является волатильность цен на рынке, при этом предпочтения участников как бы неизменны.

Это логика суждений имеет скорее мифологизированный, нежели реальный смысл. Институциональный же подход, напротив, приближает экономическую политику к реальности, поскольку предполагает следующее:

- экономическая политика должна учитывать эволюцию хозяйственных отношений и их адекватное отражение в экономическом мышлении;

- эффект экономической политики будет выше в том случае, когда модель управления опирается на сложившиеся реалии национальной экономики с ее особенностями и конкретно-историческим характером развития;

- экономическая политика выступает орудием поддержки политико-экономического направления развития, курс которого выбран властью. Но при этом сама власть вынуждена использовать тот механизм управления, который соответствует характеру и уровню развития общественных отношений.

Таким образом, экономическая политика представляет собой институт управления хозяйственными процессами, тесно связанный с эволюцией национальной экономики, служит адекватной реакцией на реально существующий политико-экономический строй, выступает орудием поддержки определенного направления стратегического развития.

Регулирующая роль государства

Естественным продуктом истории хозяйства с самого начала является регулируемый рынок. Экономика вышла из натурального хозяйства, благодаря государству. «Саморегулирующийся рынок» — это полити-

ческая идея обслуживания интересов держателей крупного капитала. Регулирование как сущностная характеристика рынка экономической теорией длительное время целенаправленно не рассматривалось, поэтому первым опытом его использования считается явное, как бы искусственное, «точечное» вмешательство государства в установившийся порядок товарно-денежных и фискальных (налоговых) отношений. По мере усложнения структуры хозяйства, повышения в нем доли государственного сектора экономики такое вмешательство стало более широко применяться в форме таможенной, аграрной, промышленной и социальной политики.

Одним из ярких представителей неоклассического направления в экономической теории, радикально поставившим вопрос о необходимости изменения положения государства в регулировании капиталистической экономики, был Дж. М. Кейнс. Его книга «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшая в период всеобщего внимания западных экономистов к проблемам Великой экономической депрессии, признана экономистами и политиками как руководство к действию [8].

Кейнс исходил из того, что рыночная экономика не может обеспечить использование в полном объеме экономических ресурсов и что решение вопросов занятости и национального дохода следует искать не в предложении ресурсов, а на стороне потребительского и инвестиционного спроса. С учетом данного обстоятельства он предложил соответствующее вмешательство государства, направленное на стимулирование эффективного спроса с помощью увеличения доходов, сокращения налогов и роста государственных вложений в инфраструктуру. При этом и экономическая неоклассическая теория небезупречна; как подчеркнул С. С. Дзарасов, она ставит занятость в зависимость от производительности труда и его предельной тяжести, которая субъективно оценивается работниками через реальную заработную плату: уровень занятости выше, когда реальная заработная плата ниже, и наоборот [9].

Опираясь на кейнсианскую теорию, ведущие государства Запада вплоть до середины 1970-х гг. проводили активную экономическую политику в области управления совокупным спросом, а экономическая теория, в дополнение к эконометрике и статистическому анализу, создала макроэкономические модели для исследования национальной экономики. Они (модели) и ныне нередко рассматриваются в

качестве теоретической и методологической основы экономической политики.

Другим фактором, обуславливающим необходимость повышения роли государства, является экономика общественных благ, роль которой постоянно возрастает. Общественные блага являются той границей, за которой экономические отношения перестают подчиняться универсальным нормам рыночного поведения. Использование данных благ каким-либо потребителем не делает их недоступными для остальных участников потребления. П. Самуэльсон данное свойство потребления общественных благ квалифицировал как блага неисключаемые и неконкурентные в потреблении; действие рыночных правил здесь существенно ограничено [10]. При этом данные ограничения в уже меньшей мере, но все же распространяются и на другие фазы воспроизводства (производство, распределение и обмен), поскольку все они взаимосвязаны с потреблением. Такое мы наблюдаем в российской экономике переходного периода: кризисная ситуация в сферах образования, здравоохранения, энергетики, геологии, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, стройиндустрии существенно усугубляет кризис всей экономической системы.

Отметим региональный аспект экономики общественных благ. Так, в условиях Крайнего Севера именно экономика общего предназначения несет повышенные затраты, не компенсируемые рыночными ценами, в отличие, например, от добычи нефти или производства лесоматериалов. Создается ситуация, когда одна часть рыночной экономической системы региона (бизнес крупных природно-ресурсных корпораций) могла бы функционировать устойчиво, если бы вторая ее часть (бизнес отраслей инфраструктуры и бюджетная сфера) не подвергалась тем же рынком дискриминации за счет неэквивалентного обмена. Положение общественно значимых отраслей хозяйства на Крайнем Севере хронически неустойчиво, и это состояние по цепочке передается на другие виды экономической деятельности.

Если мы считаем этический, субстанциональный и институциональный аспекты экономической политики взаимосвязанными при главенствующей роли последнего, то теперь необходимо подчеркнуть, что эта взаимосвязь и главенствующая роль институционального подхода распространяются на всю систему общественного воспроизводства в рамках как национальной, так и региональной экономики.

Использование институциональной «теории соглашений» в формировании экономической политики

Представителями «теории соглашений» являются французские профессора экономики Высшей школы социальных наук Лоран Тевено, Люк Болтански, Оливье Фаворо, Франсуа Эмар-Дюверне. Они отмечают, что отсутствие в неоклассической теории факта признания трансакционных издержек, большая часть которых связана с производством и потреблением общественных благ, как объекта экономической политики создает иллюзию «стерильных условий» ее функционирования. Поэтому мы полагаем, что исследование институционализмом трансакционных издержек само по себе уже является свидетельством признания сложной структуры национальной экономики и способствует ее безопасности [11].

Соглашения необходимы, чтобы упорядочить нормы рыночного и нерыночного поведения различных подсистем «теорий соглашений» (таб.).

Каждая подсистема обуславливает необходимость использования таких элементов координации отношений, которые учитывали бы, во-первых, специфику подсистемы и, во-вторых, специальные требования к функциям участников («нормы поведения»). Тем самым определяется положение каждого индивида в качестве одновременного участника во всех семи сферах сразу. При этом универсальные нормы рыночного поведения модифицируются из тотальных в состояние самостоятельной подсистемы, представляющей частный случай отношений в обществе [12].

Что касается трансакционных издержек, то они в теории соглашений выступают в роли стыковочных граней между индивидами путем согласования норм экономического поведения, которые в процессе развития общества имеют тенденцию к усложнению [13].

В подсистеме товарного обмена роль источника информации, необходимой ради соглашения, выполняет цена как главный индикатор в отражении конъюнктуры; в производственной подсистеме — технические стандарты. В подсистеме традиционного хозяйства источником информации выступают традиции и обычаи; в сфере экологии — нормы охраны окружающей среды и обеспечения гармонии человека и природы; в гражданской подсистеме — законы как юридические правила поведения, установленные властными структурами государства (здесь основным регулятором отношений выступает не ценовой индикатор, а подчинение

Характеристика подсистем в «теории соглашений»

Сфера соглашений	Основная норма поведения	Предмет соглашения	Источник информации	Вектор времени	Пример сферы деятельности
Товарный обмен	Получение прибыли	Товары и деньги	Цены	Ориентация на настоящее	Классический рынок
Производство и технологии	Обеспечение непрерывности производственного процесса	Технологические отношения	Стандарты	Ориентация на ближайшее будущее	Военно-промышленный комплекс
Традиционное хозяйство	Сохранение традиций	Условия жизнедеятельности	Обычаи и традиции	Проекция прошлого на настоящее	Семья, домашнее хозяйство
Экология	Создание благоприятной среды обитания	Геосистемы (природные объекты)	Информация о состоянии окружающей среды	Пространственно-временные циклы	Природоохранная деятельность
Гражданское общество	Согласование индивидуальных и общественных интересов	Общественные блага	Законы и другие нормативные акты	Ориентация на будущее	Территориальная общность людей
Общественное мнение	Достижение общественного признания	Фиксация престижа	Слухи	Ориентация на настоящее	Средства массовой информации
Творческая деятельность	Получение результата, у которого нет аналогов	Произведения и изобретения	Внутренний настрой, озарение	Дискретное время	Наука, литература, искусство

Источник: составлено авторами с учетом указанных в статье трудов по «теории соглашений» [1, 10, 15].

индивидуальных интересов общественным). В подсистеме общественного мнения, где основным источником информации являются слухи, или, точнее, идеологический продукт, формирующий скорее меру гражданской ответственности, а не потребления, институциональный характер в норме поведения людей, пожалуй, выступает наиболее явно. Это обусловлено необходимостью формирования общественного мнения, которое для хозяйственных отношений имеет огромное значение, — оно может либо консолидировать в решении поставленных экономической политикой задач, либо разъединять, создавая при этом питательную почву для оппортунизма и коррупции.

В частности, можно подчеркнуть правомерность положения о том, что гипертрофия оппортунизма в экономической системе на постсоветском пространстве не является случайной. Она имеет глубокие корни институционального свойства, обусловленные, прежде всего, упущениями в вопросе формирования канонов общественного мнения относительно целей экономической политики, ее структуры, условий повышения эффективности воспитательной функции государства, социальной ориентации, контроля и т. д.

Важность роли институционализма в понимании общественных отношений может быть отслежена и в творческой деятельности, где

нормой поведения выступает достижение неповторимого результата в виде прогрессивной гипотезы или изобретения.

Каждая из приведенных в таблице подсистем имеет свой специфический источник информации, который используется в координации деятельности участников соглашений. Поэтому взаимодействие этих подсистем приводит к информационной асимметрии, позволяющей участникам использовать данный перекос в своих интересах, в ущерб мотивам партнеров. Чтобы этого не происходило, необходимо использовать соответствующие модели организации, которые бы включали в себя элементы координации, сглаживающей спорадичность сосуществования различных соглашений и обеспечивающей равной информацией и покупателей, и продавцов. Институциональную «матрицу соглашений» можно приравнять к «дорожной карте» экономической политики на всех уровнях, — государства, региона, и предприятия. Но следует осторожно относиться к аналогам подобных карт. Как отметил Д. Норт, заимствованные формы организации соглашений, если они не соответствуют экономическим условиям страны или региона своего применения, приводят к совсем другим результатам, чем в регионах, из которых они заимствованы [14].

Идеи институционализма, в том числе соглашений и сотрудничества, становятся ос-

новой общей теории социально-экономического развития. Так, Дарон Аджемоглу и Джеймс А. Робинсон убедительно показали, что именно сложившаяся система институтов определяет, почему одни страны становятся богатыми, а другие — бедными [15]. В.М. Полтерович идею «философии сотрудничества» выразил следующими образом: «В отличие от конкуренции, неизбежно ведущей к параллельному использованию ресурсов для достижения взаимоисключающих целей и, следовательно, к их непроизводительному расходованию, сотрудничество предполагает гармонизацию усилий... Возрастающая роль институтов сотрудничества — естественный результат технологической, культурной и институциональной эволюции... Описываемая трансформация ведет к повышению эффективности институтов как с общественной, так и с индивидуальной точек зрения: уменьшается сфера принуждения, неизбежно порождаемая как институтами власти, так и институтами неограниченной конкуренции; цели взаимодействия достигаются с меньшими издержками. Речь идет не только о материальных, но и о социально-психологических («моральных») издержках: наблюдаемая эволюция расширяет возможности для осуществления взаимодействий в рамках моральных норм, широко признанных в современных обществах» [16, с. 45]. По мнению В.М. Полтеровича, в развитых странах (и России в том числе) сложились условия для повышения уровня доверия, толерантности, альтруизма и космополитизма, расширения планового горизонта; снижается уровень принуждения и возрастает роль сотрудничества. Такого рода факты уже недостаточно рассматривать в рамках «привычной» теории институционализма; необходимо более глубокое изучение эволюции механизмов координации [17].

Нельзя не заметить, что «теория соглашений» и «философия сотрудничества» существенно возвышают роль общественных отношений; их трансформация должна стать (наряду с развитием производительных сил) главным индикатором оценок социально-экономического состояния страны и ее регионов и непременно присутствовать в государственных документах прогнозного характера.

Институциональные аспекты региональной политики государства

Региональная политика — формирование нормативной базы и мероприятий в области государственного регулирования простран-

ственного развития страны и ее регионов. Она способствует рациональному размещению производительных сил и историческому ходу развития территориальных общественных систем с учетом их природных условий, уклада жизни, хозяйственного профиля и места в географическом разделении труда.

Проекция общих положений теоретических концепций экономической политики (в нашем случае теории соглашений и философии сотрудничества) на региональную политику не может быть прямолинейной, хотя бы потому, что общее (национальная экономика) не сводится к сумме частей (региональных экономик), многие процессы и явления макроэкономики не улавливаются в ее отдельных составляющих. Кроме того, интерпретация указанных положений, по всей вероятности, будет различаться в зависимости от того, идет ли речь о региональной политике государства в целом или об экономической политике самих регионов.

Сначала отметим институциональные особенности региональной политики государства в целом. Исходя из опыта европейских государств, но применительно к России, О.С. Пчелинцев в содержании региональной политики выделил следующие главные позиции:

— «сбалансированное демографическое развитие субъектов РФ и муниципальных образований на основе обеспечения занятости, необходимого набора социальных услуг и качества окружающей среды каждому гражданину независимо от места жительства;

— повсеместное стимулирование экономической активности при условии поддержания необходимого баланса между регионами и городами;

— создание «гуманитарного противовеса» рынку — системы демократических процедур, позволяющих достойно учесть, наряду с экономическими, социальные, экологические, культурные и другие ценности и цели» [18, с. 93–94].

Институциональный аспект в данном определении присутствует в явном виде: гражданские права, демократические процедуры согласования интересов субъектов территориального развития, учет многообразия ценностей и целей; показаны стороны координации деятельности (федеральное правительство, региональные правительства и муниципалитеты). Вместе с тем, приходится учитывать и другие задачи «российского характера»:

1) устранение разрывов в едином рыночном пространстве России, возникших в ре-

зультате дороговизны внутренних перевозок людей и грузов, а также чрезмерного крена в сторону экспорта топливных и сырьевых ресурсов в ущерб собственной обрабатывающей промышленности;

2) преодоление нестыковок между технологическими, экономическими, социальными и экологическими сторонами производственной деятельности в рамках конкретных территориально-хозяйственных систем;

3) разработка решений в области пространственного развития, соответствующих возрастающей мобильности людей, большой скорости передвижения, моментальной передаче информации, расширению круга сопряжения различных видов деятельности;

4) смягчение территориально-социальной несправедливости с учетом конституционных положений о социальном государстве, местном самоуправлении, национальных и этнических особенностях развития регионов и местностей.

В решении указанных задач ключевую роль играет институт экономического федерализма — опорное звено региональной политики российского государства.

В системе российского федерализма государство осуществляет одновременно три политики: административно-территориального устройства, устойчивого развития регионов (субъектов Федерации и их пространственных группировок) и сохранения национально-культурной индентичности. Они не просто наслаиваются друг на друга, а тесно переплетены между собой, и имеют примерно одинаковые основания для систематизации средств реализации. Средства, как правило, различаются по характеру воздействия на поведение субъекта Федерации (прямые и косвенные), по широте воздействия (общие для всех и селективные), по каналу воздействия (нормативно-законодательные, административные, экономические), по сфере действий (ценовые, налоговые, бюджетные, денежно-кредитные) и др. С некоторой мерой условности можно сказать, что первый вид политики относительно указанных средств управления проявляется в ответе на вопрос «кто делает?» — центральное ли правительство, региональная ли власть, местные органы самоуправления или совместно; второй — в ответе на вопрос «где и как делается?» — повсеместно одинаково, дифференцированно, выборочно; третий — в ответе на вопрос «кто, что и как делает, чтобы обеспечить защиту интересов „титულიной” национальности или территориально-этнического образования?».

Что касается согласования интересов в рамках федерализма, то лучшей его формой следует признать Конституцию РФ, конституции и уставы субъектов Федерации. В договорах между федеральным и региональными правительствами, принятых в 1996 г. по поводу разграничения предметов ведения и полномочий, при наличии конституций и уставов не было смысла повторять их основные положения. Такого рода повторы «способствовали» формализации договоров и фактическому исключению их из процесса регулирования внутригосударственных отношений. Вместе с тем, если бы подход к ним был конструктивным и не был чрезмерно политизирован, то они могли быть полезны и для Федерации в целом, и для регионов. В первую очередь, необходимо договариваться о регламенте совместного решения крупных народнохозяйственных проблем, например, таких, как содействие переселению «избыточного» населения старшего поколения из регионов Крайнего Севера, реструктуризации промышленности депрессивных регионов и моногородов, строительству межрегиональных транспортных и энергетических систем, продвижению научно-технических инноваций на периферию страны и т. п.

Напомним, что в «классических» федерациях разногласия и конфликты между регионами (штатами, землями, провинциями) и центром (федеральным правительством) разрешаются судебным порядком; в РФ такой порядок Конституционный суд не исключает, но он фактически не применяется.¹ Последнее является признаком неблагополучия в системе федеративных отношений и отражает чрезмерную концентрацию властных полномочий в одном центре управления, преобладание субординации над координацией. Таким образом, возникла так называемая «челночная дипломатия»: руководители субъектов Федерации почти непрерывно ведут переговоры в Москве во всех структурах государственного управления. Такого рода дипломатия соответствует технологии ручного управления, но действительность «вертикали власти» такова, что опыт подобных

¹ Нам известен лишь один пример судебного разбирательства: в 2017 г. судебная коллегия Верховного суда РФ удовлетворила иск правительства Республики Бурятия по поводу пенсионного обеспечения малочисленных народов, проживающих в республике, но не включенных в перечень районов проживания малочисленных народов Севера. Аналогичные намерения имеет Республика Коми относительно ненцев, проживающих на территории Воркутинского городского округа.

переговоров становится неизбежным, а потому он распространяется и на центры управления федеральными округами, в поддержке которых регионы пытаются найти дополнительные ресурсы реализации своих интересов. Такое положение даже с позиции современного опыта управления можно оценить положительно, поскольку наличие политически сплоченных и влиятельных властных групп усиливает возможность компромиссов по поводу увязки федеральных и региональных интересов. Однако такого рода потенциал реализуется лишь тогда, когда действия сильных властных групп подкреплены соответствующей институциональной динамикой.

В связи с этим обстоятельством обратим внимание на разработку алгоритма целевого экономического прогнозирования с участием как центральной, так и региональной власти, предложенный Б.Н. Кузыком и Ю.В. Яковцом [19, с. 125]:

- глава государства и правительство формулируют главные цели социально-экономического развития общества на перспективу;

- исходя из главной цели составляется модель экономического и социального развития, определяющая взаимоувязанные показатели основных участников, от которых зависит результат достижения поставленных целей;

- данный расчет также экстраполируется с учетом субъектов Российской Федерации и основных отраслевых структур, технологически взаимосвязанных и взаимозависимых;

- в свою очередь, субъекты, принимая во внимание разработанные индикаторы, совместно с отраслевыми структурами рассчитывают свои программы развития и доводят эту информацию до единого центра экономической политики;

- после обсуждения и согласования государственный центр принимает решение об единой программе социально-экономического развития, направленного на достижение обозначенных прогнозом целей.

Такого рода алгоритм оказался вполне приемлемым, а потому был использован при разработке Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Следовало бы данный алгоритм использовать и при разработке Стратегии пространственного развития РФ, что исключило бы утрированное представление о социально-экономическом пространстве нашей страны как о совокупности крупных агломера-

ций и тяготеющих к ним природно-сырьевой периферии.

Экономическая политика региона

Здесь сами регионы рассматриваются в качестве самостоятельных и относительно самодостаточных структур управления. Они определяют собственные цели, средства их достижения и разрабатывают соответствующие руководящие документы в части сбалансированного социально-экономического развития, выбирают пути преодоления препятствий к формированию и устойчивому развитию территориальных общностей людей на основе системного устройства их жизнедеятельности.

Обозначим те сферы экономической деятельности регионов, в которых их собственные усилия могут принести положительный результат [20]:

- в политике рационализации отношений региональной собственности — развивать территориальное хозяйствование на основе собственности субъекта Федерации, муниципалитетов, территориальных общин (в совокупности региональной собственности). Не избавляться от нее, а покупать и продавать, создавать и модернизировать, сдавать в аренду и залог, то есть получать от нее дополнительный доход для решения задач социального развития;

- в политике рационального природопользования — совершенствовать регламенты и стандарты в охране окружающей среды, дополнить лицензирование хозяйственной деятельности в области природно-ресурсной экономики условиями комплексного использования полезных ископаемых и биологических ресурсов, а также функциями субъектов природопользования в социальном развитии территорий;

- в ценовой политике — сдерживать рост цен с помощью казенных предприятий по производству лекарств, детских товаров, некоторых продуктов питания, бытовых услуг, наряду с частными предприятиями. Они могли бы функционировать на общих основаниях рыночной экономики, но с возможными исключениями (в случае необходимости защиты интересов потребителей) — дотации, понижение налоговых ставок, приоритет в получении госзаказа и т. п. Здесь речь идет о социальном благополучии детей, пенсионеров, инвалидов и малоимущих, когда выход за рамки классического рынка вполне оправдан;

- в налогово-бюджетной политике — оптимизировать соотношение прямых и косвенных налогов, закрепленных за территориальными

бюджетами. Страны «классического» федерализма в регулировании налогов и бюджетов соблюдают правило: лучше сохранить устойчивость общей налоговой системы, чем стремиться к полной экономической независимости всех уровней власти. Поэтому и там территориальные бюджеты зачастую пополняются за счет федеральных субсидий. Но это вовсе не значит, что не надо соблюдать определенную меру автономности. Если отклонения от такого рода мер существенны (как сейчас в России), то систему распределения налогов по уровням бюджетов необходимо пересмотреть;

— в кредитно-денежной политике — ускорить процесс регионализации рынка кредитных ресурсов, что способствовало бы нормализации отношений региональных правительств и муниципалитетов с коммерческими банками в рамках расширенного общественного воспроизводства и при условии повышения его эффективности;

— в политике регламентации государственного управления и местного самоуправления — определить нормы совмещения государственности и самоуправления в рамках районных и окружных муниципалитетов, целенаправленно поддерживать общественное самоуправление. Конституционные нормы о местном самоуправлении в части самостоятельного решения ряда задач жизнеобеспечения населения все еще не имеют конструктивной формы своей реализации. Нельзя признать существующую ныне бедность местных бюджетов и их постоянный и повсеместный (за малым исключением) дефицит нормальным; такое состояние противоречит принципам экономического федерализма; оно может трактоваться не как вынужденное, а как искусственно создаваемое ради непомерного повышения роли федеральной власти;

— в политике пространственного развития региона — укреплять кооперационные связи опорных центров и окружающих их территорий на основе кластеров и других форм сетевого взаимодействия, развивать связи по линии интеграции с регионами-соседями.

На теорию кластеров в плане развития институтов экономической политики регионов обратим особое внимание. Ю.Г. Лаврикова доказала, что кластер есть институциональное выражение формы и содержания территориально-сетевых отношений и связей [21]. В организации управления региональные правительства должны исходить из следующего положения: «Кластерный подход позволяет „связать“ центр и его окружение за счет более

тесного межфирменного взаимодействия, создания общих рынков труда, технологий, знаний и повышения доступа предприятий к использованию общих ресурсов, сокращения общих издержек и формирования синергетического эффекта взаимодействий» [22, с. 29]. К этому добавим, что содержание кластера во многом определяется сутью предстоящего совместного дела, выполнение которого зависит от уровня организованности на основе специального плана и с учетом рыночных обстоятельств, характерных для каждого участника кластера.

Ясно, что региональные правительства и муниципалитеты должны действовать в интересах большинства людей. Однако они не могут пока обеспечить безусловное соблюдение его интересов, поскольку сформированы не столько народом, сколько капиталом. Производственно-финансовые корпорации оригинально трактуют «сотрудничество», когда приватизируют не только природные ресурсы и другие активы, но и сами региональные правительства и муниципалитеты с надеждой на будущую ренту от власти¹.

Межрегиональная интеграция

Укрепление единства социально-экономического пространства России стало для ее одной из важнейших задач стратегического развития. Трудности решения межрегиональной интеграции (управляемой координации деятельности региональных правительств и муниципалитетов в рамках определенных территориальных структур) связаны с тем, что ни созданные в 1990-х гг. межрегиональные ассоциации, ни федеральные округа данным вопросом по существу не занимаются. Это большой недостаток в организации пространственного и территориального развития нашей страны. Поэтому географы-экономисты нередко рассматривают такие субрегионы, которые по

¹ В.А. Ильин и его коллеги впервые в отечественной экономической литературе отразили влияние интересов крупных собственников на региональное развитие. Убедительно показано, что во время кризиса корпорации стремятся попасть в правительственный перечень системообразующих предприятий. Это дает им возможность «докапитализации» за счет государственной казны, консолидированного налогообложения, выполнить как бы на законных основаниях ряд организационно-финансовых реконструкций, в результате которых доход управленческой элиты возрастает, заработная плата трудового коллектива в лучшем случае «замораживается», а налоги в бюджетную систему страны заметно снижаются. Особенно явно эта тенденция проявляется на уровне территориальных бюджетов и при консолидированном налогообложении [23].

размеру, как правило, меньше крупных экономических районов и объединяют несколько соседних областей (краев, республик) с общими особенностями развития. Они в большей мере, чем крупные образования (федеральные округа, либо экономические макрорайоны), улавливают действие фактора «пространство и взаимосвязь». Их размерность примерно соответствует физико-географической области, но главное — территориальной структуре производительных сил [24]. Основное предназначение такого рода субрегионов — быть территориально-хозяйственными системами, укрепляющими соседские социально-экономические отношения. Например, на территории Северо-Запада России, Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока выделено 11 территориально-хозяйственных систем, заданных единством природы, населения и хозяйства [25]. Примером может служить Двино-Печора.¹

Нам представляется, что на первых порах региональным правительствам целесообразно сосредоточить внимание на выработке еди-

¹ В согласованном развитии Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми заинтересованы такие хозяйствующие субъекты, как Управление Северной железной дороги (г. Ярославль), ПАО «Белкомур» (г. Архангельск), Вологодская лесоустроительная организация «Северный филиал государственной инвентаризации лесов Федерального государственного унитарного предприятия «Рослесинфорг», Двино-Печорское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов (г. Архангельск), Архангельский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Управление федеральной службы в сфере природопользования по Республике Коми и Ненецкому АО, почти все нефтегазодобывающие и геологоразведочные организации, работающие на Европейском Севере. В качестве перспективного объекта пространственной интеграции Двино-Печоры можно было бы рассмотреть территорию под условным названием «пять углов»: юг Архангельской области (Котлас, Сольвычегодск, Коржма, пос. Вычегодский), юг Республики Коми (Объячево, Спаспоруб, Лойма, Летка), восток Вологодской области (Великий Устюг, Кичменский городок, Никольск, Пермас), север Кировской области (Луза, Пинюг, Опарино, Мураши), восток Костромской области (Вохма, Пищуг, Павино). Это должен быть объект особого территориального планирования, районного проектирования и программно-целевого управления. Проблемность указанных территорий не вызывает сомнений, поскольку именно в этих «углах» особенно отчетливо проявляется неудовлетворительное состояние периферии. Межрегиональная координация считается обязательной при разработке стратегий и программ социально-экономического развития, однако эта роль реализуется пока вяло, ограничиваясь договорами о сотрудничестве, без создания общих институтов инвестирования и проведения крупных хозяйственных мероприятий.

ной позиции в части рационализации межбюджетных отношений, нормировании участия каждого региона в реализации общегосударственных программ и национальных проектов, формировании общих программ охраны окружающей среды, развития «транзитной» инфраструктуры и «смежных» окружных и районных муниципалитетов. Следующим шагом интеграции могло бы стать создание регионами соседями совещательного органа управления с учетом положительного исторического опыта работы ЭКОСО, разрабатывающего в 1920-х гг. планы общего для ряда областей и республик планы социально-экономического развития.

Заключение

Поскольку политическая власть имеет общественный характер, выражается в виде принуждения, нравственного влияния, опоры на чувства и традиции, постольку поиск модели ее организации выходит за пределы неоклассических теорий и предполагает использование институциональных подходов. Нельзя не учесть, что неоклассика постепенно теряет свои позиции в качестве главного направления экономической теории. Действительное устройство общества оказывается весьма сложным и не сводимым к экономическим постулатам «максимизации полезности», «невидимой руке рынка», «государство — ночной сторож» и т. п. В вопросе модификации экономической политики важным моментом выступает определение роли государственного участия в формировании полнокровных хозяйственных систем, включающих и производство общественных благ. Проблема примирения «чисто рыночного» и общественного на более доказательном уровне занимается институциональная экономика, используя «теорию соглашений» и «философию сотрудничества».

Многообразие экономических отношений может быть представлено в виде семи относительно самостоятельных и взаимосвязанных подсистем: товарного обмена, производственно-технологической, традиционного хозяйства, гражданского общества, творческой, общественного мнения и экологической. В чередке данных подсистем универсальным нормам рыночного поведения отводится весьма существенная, но всего лишь частная функция.

Проекция экономической политики государства на региональный уровень с использованием достижений в области теорий и методологий возможна, но с обязательной конкретизацией их общего смысла. Именно конкретизация создает проблемное поле деятельности

региональных правительств и муниципалитетов. Понятия «координация», «интеграция», «соглашение», «сотрудничество», «институты развития» и другие, отражающие институциональные аспекты общественного прогресса, в экономической политике регионов излагаются в прогнозах, схемах и проектах как мероприятия с соответствующими атрибутами их реализации (цели, задачи, механизмы, исполнители, ресурсы). Но и конкретика должна быть освещена определенной конструктивной идеей. Ее суть мы формулируем так: и хо-

зяйство, и хозяйственный механизм, и общественные отношения в целом, включая отношения по линиям «Центр — регион», «регион — предприятие», «регион — регион» и другим направлениям, составляют общий предмет индикативного планирования. Стратегию развития необходимо рассматривать не только по динамике производительных сил (что более или менее соблюдается), но и по трансформации общественных отношений (что почти отсутствует в государственных документах прогнозного характера).

Список источников

1. *Williamson O.* The Politics and Economics of Redistributions and Inefficiency // A paper presented at Fettschrift to honor Amartua Sen : University of Chicago Press. — 1994. — February. — P. 1.
2. *Мануйлов А. А.* Политическая экономия: курс лекций. — М. : 2-я Типо-Лит. Моск. Гор. Сов. Нар. Хоз. (бывш. Т-ва Машистова), 1919. — Вып. 1. — 262 с.
3. *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. — Петроград : Право, 1918. — 540 с.
4. *Гольдштейн И. М.* Экономическая политика. — М. : Московская экономическая библиотека, 1908. — 151 с.
5. *Штейн В. М.* Экономическая политика. — Петроград : Право, 1922. — 163 с.
6. *Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я.* Индивидуум & Государство. Экономическая дилемма. — М.: Весь Мир, 2013. — 480 с.
7. *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. — М. : ЛЕНАНД, 2012. — 1024 с.
8. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 2002. — 352 с.
9. *Дзарасов С. С.* Куда Кейнс зовет Россию? — М. : Алгоритм, 2012. — 304 с.
10. *Samuelson P. A.* A diagrammatic exposition of a theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics. 1955. — Vol. 37. — No. 4. — Pp. 350–356.
11. *Каюков В. В., Шихвердиев А. П.* Институциональная характеристика экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1181–1193. — DOI: 10.17059/2018-4-10.
12. *Milgrom P., Roberts J.* Economics, Organization and Management. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1992. — P. 29.
13. *Granovetter M.* Les institutions économiques comme structures sociales: un cadre d'analyse / A. Orlean. (ed.) // Analyse économique des conventions. — Paris : Presse Universitaire de France, 1994. — P. 87–88.
14. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — Cambridge University Press, 1990. — Ч. III. Гл.13. — 159 p.
15. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М. : АСТ, 2016. — 693 с.
16. *Полтерович В. М.* От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. — 2015. — № 4. — С. 41–64.
17. *Полтерович В. М.* К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. — 2018. — № 12. — С. 77–102. — DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102.
18. *Пчелинцев О. С.* Региональная экономика в системе устойчивого развития / Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М. : Наука, 2004. — 258 с.
19. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Россия — 2050. Стратегия инновационного прорыва : 2-е изд., доп. — М. : Экономика, 2005. — 624 с.
20. *Лажнецов В. Н.* Конституционные основы территориального развития // Вопросы территориального развития. — 2019. — № 1 (46). — С. 1–11. — DOI: 10.15838/tdi [Электронный ресурс]. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28063>.
21. *Лаврикова Ю. Г.* Кластеры как рыночный инструмент пространственного развития региона : дис. ... д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2009. — 534 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/klastery-kak-rynnochnyi-institut-prostranstvennogo-razvitiya-ekonomiki-regiona/read>.
22. *Татаркин А. И., Лаврикова Ю. Г.* Программно-проектная модернизация федеративного устройства России // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 6. — С. 17–33.
23. *Ильин В. А., Поварова А. И.* Консолидированное налогообложение и его последствия для региональных бюджетов // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — Вып. 1. — С. 70–83. — DOI: 10.17059/2019-1-6.
24. Оптимизация территориальных систем / под ред. д. э. н. С. А. Суспицина; рос. акад наук., Сиб. отд-е, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. — Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2010. — 632 с.

25. Лажентцев В. Н. Экономико-географические аспекты развития Севера России. — Сыктывкар : ИСЭиЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://iespn.komisc.ru/component/phocadownload/category/12-spiski-publikaci-lab?download=468:lazhentsev-v-n-ekonomiko-geograficheskie-aspekty-razvitiya-severa-rossii-elektronnoe-izdanie-syktvykar-iseieps-fits-komi-nts-uro-ran-2018-93-s>.

Информация об авторах

Каюков Владимир Викторович — доктор экономических наук, профессор, Ухтинский государственный технический университет (Российская Федерация, 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, д. 13; e-mail: vkaukov@ugtu.net).

Лажентцев Виталий Николаевич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН; Scopus Author ID: 55764460900 (Российская Федерация, 167982 Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, д.26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru).

Шихвердиев Ариф Пирвелиевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Российская Федерация, 167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55; e-mail: shikverdiev@yandex.ru).

For citation: Kayukov, V. V., Lazhentsev, V. N. & Shikhverdiev, A. P. (2019). Economic Policy and Institutions of the Regional Development. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(4), 996-1008

V. V. Kayukov^{a)}, V. N. Lazhentsev^{b)}, A. P. Shikhverdiev^{c)}

^{a)} Ukhta State Technical University (Ukhta, Russian Federation; e-mail: vkaukov@ugtu.net)

^{b)} Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North of Komi Scientific Centre of the Ural Branch of RAS (Syktvykar, Russian Federation)

^{c)} Pitirim Sorokin Syktvykar State University (Syktvykar, Russian Federation)

Economic Policy and Institutions of the Regional Development

The article considers the problems of improving the economic system and shaping the relevant rules and norms of economic activities in the context of the institutionalism's growing importance. We analyse the possibility to use the «agreement theory» and «philosophy of co-operation» for explaining the essence of economic policy as a whole, regional policy of the state and economic policy of the regions (constituent entities of the Russian Federation). In the institutional approach, the key role belongs to the coordination of interests that is both an objective law of public development and the way to overcome critical situations. We characterise subsystems of the «agreement theory», including an exchange of commodities, production and technologies, traditional economic activities, ecology, civil society, public opinion, creative activities. The obtained «matrix of understanding» might be used as a «roadmap» of the economic policy at all levels (state, region, company) taking into account an obligatory adjustment for the specificity of the national economy and its spatial arrangement. We have underlined that the general theoretical concepts of economic policy can not be applied to the regional policy. The whole (national economy) cannot be reduced to the sum of the parts (regional economies), thus, many macroeconomic processes and events are not traced in its individual components. In the regional development, the institution of economic federalism plays the key role. We have defined the spheres of the regions' economic activities, where regional efforts can lead to the positive result. Such spheres include property relations, rational nature management, price policy, fiscal and credit-and-monetary spheres, regulatory actions of the relations between the state and regional authorities, and interregional integration.

Keywords: economic theory, economic policy, «agreement theory», economic federalism, economic policy of the regions, interregional integration

References

1. Williamson, O. (1994). *The Politics and Economics of Redistributions and Inefficiency. A paper presented at Fettschrift to honor Amartya Sen.* University of Chicago Press.
2. Manuylov, A. A. (1919). *Politicheskaya ekonomiya: kurs lektiy. Vypusk 1 [Political economy: a course of lectures. Volume 1]*. Moscow: 2-ya Tipo-Lit. Mosk. Gor. Soc. Nar. Khoz. (byvsh. t-va Mashistova), 262. (In Russ.)
3. Tugan-Baranovskiy, M. I. (1918). *Osnovy politicheskoy ekonomii. 5 izdanie [Basics of Political Economy. 5th edition]*. Petrograd: Pravo, 540. (In Russ.)
4. Goldstein, J. M. (1908). *Ekonomicheskaya politika [Economic policy]*. Moscow: Moscow Economic Library, 151. (In Russ.)
5. Stein, V. M. (1922). *Ekonomicheskaya politika [Economic policy]*. Petrograd: Pravo, 163. (In Russ.)
6. Grinberg, R. S. & Rubinstein, A. Ya. (2013). *Individuum i gosudarstvo. Ekonomicheskaya dilemma [Individual and State: Economic Dilemma]*. Moscow, All World, 480. (In Russ.)
7. Leksin, V. N. & Shvetsov, A. N. (2012). *Reformy i region. Sistemnyy analiz reformirovaniya regionalnoy ekonomiki, stanovlenie federalizma i mestnogo samoupravleniya [Reforms and regions: System analysis of the processes of reforming the regional economy, the formation of federalism and local self-government]*. Moscow: LENAND, 1024. (In Russ.)
8. Keynes, J. M. (2002). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General theory of employment, interest and money]*. Trans. From English. Moscow: Helios ARV, 352. (In Russ.)

9. Dzarasov, S. (2012). *Kuda Keyns zovet Rossiyu? [To where is Keynes calling Russia?]* Moscow: Algorithm, 304. (In Russ.)
10. Samuelson, A. (1955). A diagrammatic exposition of a theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, 37(4), 350–356.
11. Kayukov, V. V. & Shikhverdiev, A. P. (2018). InstitutSIONalnaya kharakteristika ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Institutional Feature of Regional Economic Security]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(4), 1181–1193. DOI: 10.17059/2018-4-10 (In Russ.)
12. Milgrom, P. & Roberts, J. (1992). *Economics, Organization and Management*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 129.
13. Granovetter, M. (1994). Les institutions economiques comme structures sociales: un cadre d'analyse. In: A. Orlan (Ed.), *Analyse economique des conventions* (pp. 87–88). Paris: Presse Universitaire de France.
14. North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 159.
15. Acemoglu, D. & Robinson, J. A. (2016). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]*. Trans. from English. Moscow: AST, 693. (In Russ.)
16. Polterovich, V. M. (2015). Ot sotsialnogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From social liberalism to the philosophy of collaboration]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 4, 41–64. (In Russ.)
17. Polterovich, V. M. (2018). K obshchey teorii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya. Chast 2. Evolyutsiya mekhanizmov koordinatsii [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. The evolution of coordination mechanisms]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 77–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-12-77-102 (In Russ.)
18. Pchelintsev, O. S. (2004). *Regionalnaya ekonomika v sisteme ustoychivogo razvitiya [Regional economy in the system of sustainable development]*. Moscow: Science, 258. (In Russ.)
19. Kuzyk, B. N. & Yakovets, Yu. V. (2005). *Rossiya — 2050. Strategiya innovatsionnogo razvitiya: 2-e izd., dop. [Russia — 2050: Innovation Breakthrough Strategy. 2nd Edition, enlarged]*. Moscow: Economics, 624. (In Russ.)
20. Lazhentsev, V. N. (2019). Konstitutsionnye osnovy territorialnogo razvitiya [The constitutional foundations for territorial development]. *Voprosy territorialnogo razvitiya [Territorial development issues]*, 1(46), 1–11. DOI: 10.15838/tdi.2019.1.46.1 (In Russ.)
21. Lavrikova, Yu. G. (2009). *Klastery kak rynochnyy instrument prostranstvennogo razvitiya regiona: dissertatsiya doktora ekonomicheskikh nauk [Clusters as a market institute of spatial development of a region's economy. Thesis for the degree of Doctor of Economic]*. Ekaterinburg, 534. Retrieved from: <https://www.dissercat.com/content/klastery-kak-rynochnyi-institut-prostranstvennogo-razvitiya-ekonomiki-regiona/read> (Date of access: 30.08.2019) (In Russ.)
22. Tatarin, A. I. & Lavrikova, Yu. G. (2011). *Programmno-proektnaya modernizatsiya federativnogo ustroystva Rossii [Programmed project modernization of the federative structure in Russia]*. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. Fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 6, 17–33. (In Russ.)
23. Ilyin, V. A. & Povarova, A. I. (2019). Konsolidirovannoe nalogooblozhenie i ego posledstviya dlya regionalnykh byudzhetov [Consolidated taxation and its consequences for regional budgets]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(1), 70–83. DOI: 10.17059/2019-1-6 (In Russ.)
24. Suspitsyn, S. A. (Ed.). (2010). *Optimizatsiya territorialnykh sistem [Optimization of the territorial systems]*. Novosibirsk, IEIE SB EAS, 632. (In Russ.)
25. Lazhentsev, V. N. (2018). *Ekonomiko-geograficheskie aspekty razvitiya Severa Rossii [Economic and geographic aspects of the development of Russian North]*. Syktyvkar: IESPN Komi SC UB RAS, 93. Retrieved from: <http://iespn.komisc.ru/component/phocadownload/category/12-spiski-publikaci-lab?download=468:lazhentsev-v-n-ekonomiko-geograficheskie-aspekty-razvitiya-severa-rossii-elektronnoe-izdanie-syktyvkar-iseieps-fits-komi-nts-uro-ran-2018-93-s> (Date of access: 01.09.2019)

Authors

Vladimir Viktorovich Kayukov — Doctor of Economics, Professor, Ukhta State Technical University (13, Pervomayskaya St., Ukhta, Komi Republic, 169300, Russian Federation; e-mail: vkaukov@ugtu.net).

Vitaly Nikolayevich Lazhentsev — Corresponding Member of RAS, Chief Research Associate, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North of Komi Scientific Centre of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 55764460900 (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru).

Arif Pirvelievich Shikhverdiev — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, Komi Republic, 167001, Russian Federation; e-mail: shikverdiev@yandex.ru).